

УДК 130.1:93/94

М.Я. Яхьяев

Философия истории в поисках смысла модернизации

Дагестанский государственный университет; muchtar59@mail.ru

В статье предпринята попытка философского осмысления европейской модернизации. На основе краткого анализа идей, высказанных классиками XIX–XX веков, автор выводит наиболее значимые характеристики современной научно-индустриальной цивилизации, среди которых постоянный динамизм, т. е. вечная и все ускоряющаяся модернизация, которая и превратила Запад в лидера мировых отношений.

Ключевые слова: *цивилизация, модернизация, трансформация, динамизм, капитализм.*

The effort of philosophical understanding of European modernization is made in the research. On the basis of brief analysis of the ideas expressed by classics of the XIX–XX centuries, the author gives the most significant characteristics of modern scientific and industrial civilization, among which there is a permanent dynamism, i.e. eternal and more and more quickening modernization, which turned the West into the leader in the global relationship.

Keywords: *civilization, modernization, transformation, dynamism, capitalism.*

Фундаментальной особенностью современной научно-индустриальной цивилизации стала прогрессирующая нестабильность, когда она находится в постоянном и все ускоряющемся беге, и что парадоксально, в беге без определенной цели, в развитии во имя развития, без идеалов, в беге в никуда, а точнее в беге к пропасти глобальной экологической и цивилизационной катастрофы. Лидером в мировых отношениях стал Запад, и как лидер он занялся жесткой глобальной экспансией по отношению к остальным странам, народам и цивилизациям. Важной характеристикой западной цивилизации стало установление ее доминирования, построение ею системы эксплуатации отсталых, традиционных цивилизаций мира. И все это явилось результатом процессов модернизации европейского общества, которые в целом завершились к началу XX в. Сова Минервы, как известно, вылетает в сумерках, поэтому философия все еще пытается найти истоки и причины модернизации, понять смысловую сущность и содержание европейской цивилизации, обнаружить ее особое место во всемирно-историческом процессе и т. д. Это важно и для понимания модернизационных процессов, происходящих в современной России.

Философское осмысление современной цивилизации сразу же ставит исследователя перед трудностью определения сущности той эпохи, когда она формировалась, а именно – XIX века. У прежних веков есть общепризнанные устоявшиеся названия: Средние века (V–XIV вв.), Возрождение (XV–XVI вв.), Новое время (XVII в.), Просвещение (XVIII в.). Эти названия выражают существенную специфику конкретной эпохи. У XIX века нет общепризнанного и устоявшегося названия, которое выражало бы существенную особенность именно этой эпохи. И дело не в том, что такой черты у данной эпохи нет, а в том, что трудно выбрать одну какую-то черту как определяющую. Кроме того, в течение XIX века произошло как минимум два резких динамичных качественных исторических перехода, потому и трудно объединить их одной общей чертой. Во всяком случае, общепризнано, что XIX век стал эпохой резкого качественного перехода человечества к новому типу цивилизации. Исходя из этого, многие исследователи определяют XIX век как век «модернизации», но к пониманию самой модернизации подходят по-разному. Одни рассматривают «модернизацию» как трансформацию сознания

при переходе от традиционного к индустриальному обществу и как момент или сторону общего процесса индустриализации [1, с. 435]. Вторые рассматривают модернизацию как «собственно весь переход» от традиционной аграрной цивилизации к современной научно-промышленной цивилизации [2, с. 6].

И первые, и вторые дают лишь формальное определение скорее предмета данного понятия, чем его содержательной сущности. Они хоть и абстрактны, но позволяют ограничить и направить философский поиск исторического смысла и места XIX века в истории человечества. Эти смысл и место раскрываются при содержательном уточнении категории «модернизация». Первое уточнение, которое позволяет нам сделать термин «модернизация», связано с установлением такой важной характеристики этого процесса, как столкновение старого с новым. Поэтому сущностная характеристика модернизации предполагает: во-первых, выяснение качественного различия старого и нового; во-вторых, анализ характера и процесса борьбы старого и нового; в-третьих, прослеживание преемственности между старым и новым.

Смысл модернизации по-разному воспринимается людьми, жившими в само это время, т. е. находящимися в ее непосредственном потоке, и с исторической перспективы XX или XXI века. Кроме того, смысл и конкретное содержание модернизации, произошедшей в XIX веке, по-разному интерпретированы философами XIX века. Так, К. Маркс при анализе модернизации XIX века сделал акцент на изменении способа производства. Для него смысл модернизации заключался в завершении перехода от феодального способа производства к капиталистическому, к установлению мирового господства капиталистического способа производства. Главными его чертами, по Марксу, являются динамизм и неразрешимые внутренние социальные противоречия, максимально обнаженные и обостренные, доведенные до логического предела именно в этом способе производства. Динамизм капиталистического способа производства имеет две стороны. Первая – постоянные научно-промышленные перевороты в развитии производительных сил: «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» [3, с. 427].

Вторая сторона динамизма – движение капитализма по миру, превращение его в мировую экономическую систему: «Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продукции гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду она должна внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи... Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации... Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию» [3, с. 427–428]. Втягивая весь мир в орбиту своей деятельности, буржуазия создает всемирный рынок, т. е. единую мировую экономическую систему.

XIX век К. Маркс рассматривал, по крайней мере, как эпоху не только завершения мировой победы капиталистического способа производства, но и как эпоху впадения капитализма в непрерывный системный кризис и эпоху начала социалистического преобразования общества, эпоху начала социалистической революции. Естественно, что марксизм рассматривает переход от феодализма к капитализму как длительный процесс, начавшийся еще в эпоху Возрождения и окончательно завершившийся в Западной Европе в XIX веке. Кроме того, марксизм, уделяя главное внимание модернизации способа производства, подчеркивая, что в ее основе лежит промышленная революция (пар

и машины), отмечает и анализирует сложные взаимосвязи экономической модернизации с политической, юридической и идеологической модернизацией. Иначе говоря, марксизм рассматривает капиталистическую модернизацию как целостный процесс смены одного типа экономической общественной формации другим.

М. Вебер при рассмотрении модернизации делает акцент на изменении типа хозяйственной и политической деятельности и, прежде всего, сознания личности как субъекта хозяйственной и политической деятельности. Он в своих трудах описывает различие традиционного и современного обществ. Прежде всего это различие в экономическом поведении, обусловленном определенным типом экономического мышления. «Духу капитализма» как хозяйственной этике современного западного общества Вебер противопоставляет этику «традиционализма». В систему мотиваций «духа капитализма» входят: а) позитивная моральная санкция накопления капитала и денег, рассматриваемого как цель сама по себе; б) аскетизм как стремление до предела ограничить расходы и культивирование образа жизни, воспитывающего аскетическую личность; в) объединяющая всех обязанность максимального проявления своих возможностей в избранной профессии; г) формирование специфических добродетелей, обеспечивающих необходимое доверие в отношениях экономических субъектов.

Хозяйственная этика «традиционализма» была основана на других ценностях, таких, как: а) желание работать меньше и больше зарабатывать, поиск в труде максимальной выгоды для себя с минимумом усилий; б) сознательное или бессознательное нежелание вводить новшества в процесс труда; в) работа только ради заработка или выживания; г) ориентация на различные нетрудовые способы получения дохода. Смысл «модернизации» экономического поведения М. Вебер видел в переходе от традиционного способа экономического действия к современному «рациональному».

В основе «экономической» модернизации у него лежала первоначальная трансформация сознания личности, изменяющая характер ее экономического действия или поведения. Общий смысл модернизации по Веберу состоит в переходе от традиционного «иррационального» типа поведения к современному рациональному типу. «Вебер связывал рациональность прежде всего со свободой индивида, характерной для социальной и интеллектуальной атмосферы капитализма. Рационализация различных сфер культуры толковалась им как воплощение разума и свободы» [4, с. 119]. Правда, Вебер не идеализирует эту рациональность или этот западный капиталистический рациональный способ экономического и политического действия.

В современном западном рациональном способе экономического поведения он выделял два типа рациональности экономического действия: формальную и субстанциональную рациональность. Формальная рациональность экономического действия выражается в погоне за прибылью ради прибыли, пренебрегающей интересами потребителей товаров и общества в целом. Субстанциональная рациональность экономического действия выражается в ориентации поведения предпринимателя на обеспечение товарами и услугами населения при соблюдении норм честного предпринимательства.

О. Конт обращал внимание на модернизацию человеческого сознания, рассматриваемого как способ объяснения окружающего мира. Истоки модернизации он видел в переходе человеческого сознания от теологической стадии к позитивной (положительной). На теологической стадии человек объясняет явления какими-нибудь априорными, абстрактными, философскими сущностями, скрывающимися за этими явлениями. Этот способ объяснения приводит к созданию феодального общества с политическим строем абсолютной монархии. Положительный способ познания, объяснения мира руководствуется при толковании явлений «открытием путем соединения рассуждений и на-

блюдений действительных законов этих явлений, т. е. неизменных отношений последовательности и сходства между ними» [5, с. 18]. Иначе говоря, положительный способ объяснения мира основан на опытном наблюдении причинных связей явлений, на опытном научном познании.

Таким образом, мы видим, что философы XIX века положительно оценивали смысл модернизации, во время которой им пришлось жить, и видели ее позитивные перспективы. В XX веке, когда модернизация как переход от традиционного к современному научно-индустриальному обществу в основном была завершена, и когда обнажились язвы нового общества, выяснилось, что важнейшей чертой этого общества является нестабильность. И тогда смысл модернизации был подвергнут переоценке и дальнейшему философскому анализу. Так, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби со своими теориями локальных цивилизаций, обреченных на гибель, несмотря на различия их концепций, оценивали Западную индустриальную цивилизацию как находящуюся на вершине или последней стадии органического развития, за которой, согласно их видению истории, неизбежно последует гибель или переход в новую стадию.

Комплексный подход к анализу модернизации XIX века и последующей модернизации XX века, попытка осуществить Э. Тоффлер, используя методологическую метафору столкновения волн: традиционного и индустриального типа цивилизаций. Эта метафора позволила ему увидеть глубинную суть цивилизационного перехода от традиционного общества к индустриальному, хотя она и не способна была всесторонне передать содержание этого процесса. Переход от традиционного общества к индустриальному Тоффлер анализирует путем сравнения их по целому ряду признаков: техносфера, социосфера, инфосфера, сфера власти, культурный код, суперидеология.

В качестве интегральной характеристики индустриальной цивилизации Тоффлер выделил ее «культурный код». «У каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующих поведение миллионов» [6, с. 92–93]. Вот эти принципы: стандартизация, специализация, синхронизация, концентрация, максимизация, централизация. При характеристике этих универсальных принципов деятельности Тоффлер фактически описывает особенности организации экономической деятельности в условиях промышленного производства с высоким разделением труда, его специализацией и ориентацией на массовое производство и максимальную прибыль, т. е. экспансионистско-индустриальный способ ведения хозяйственной деятельности.

Вторым важным интегральным признаком индустриальной цивилизации, по Тоффлеру, является новая картина мира, новый тип сознания или менталитета, который он называет «индуст-реальность». «Индуст-реальность была сводчатой конфигурацией идей и представлений, с помощью которой дети индустриализма были обучены понимать свой мир. Это была кипа предпосылок, используемых цивилизацией второй волны, ее учеными, деловыми людьми, государственными деятелями, философами и пропагандистами» [6, с. 174]. В основе менталитета индуст-реальности, по мнению Тоффлера, лежат три идеи, определяющие отношение человека индустриального общества к природе, к человеку и к обществу. «Эти три ключевых положения цивилизации Второй волны – война с природой, значение эволюции и принцип прогресса» [6, с. 180].

Война с природой выражает экспансионистско-потребительское отношение человека к природе как к объекту покорения и эксплуатации в интересах человека. Значение эволюции состоит в принципе социал-дарвинизма, который распространяет на общест-

во идею естественного отбора и борьбы народов за существование. Под идеей прогресса имеется в виду общее убеждение в том, что история идет от худшего к лучшему. В общем, в описании Тоффлера под менталитетом индустриальности мы видим своеобразную смесь идей агрессивного капитализма. Но выдавать его за общий менталитет эпохи индустриализма вряд ли корректно.

В структуру менталитета индустриальности Тоффлер включает еще четыре принципа, характеризующих понимание времени, пространства, причинности и материи. В целом все эти принципы выражают философию механистического материализма и основанные на ней общие поведенческие установки. Это линейное пространство и время и установка сознания на максимально точное их измерение и максимально полное интенсивное производственное использование. Это атомистический механистический материализм, проявляющийся в поведении людей в форме эгоистического социального индивидуализма или атомизма. И, наконец, это механистический детерминизм с его установкой на сугубо технологические способы решения всех проблем.

Тоффлер не просто выделяет характерные признаки индустриальной цивилизации, но и анализирует внутренние противоречия и конфликты, характерные для индустриальной цивилизации. Он совершенно правильно рассматривает модернизацию, во-первых, как процесс системных преобразований общества, во-вторых, как мировой процесс, а не трансформацию какой-то отдельной национально-государственной системы. Фактически он выделяет три модернизации. Первая – переход от первобытного общества к аграрной цивилизации. Вторая – переход от аграрной цивилизации к индустриальной. Третья – переход от индустриальной цивилизации к цивилизации постмодерна, «постиндустриальной». И каждая из этих модернизаций представляет собой столкновение, конфликт цивилизаций, движущийся по планете как волна изменений. Модернизация XVII–XIX веков рассматривается Тоффлером как столкновение Первой и Второй волны, модернизация XX века – как столкновение уже обществ Второй и Третьей волны.

И действительно, капиталистическая научно-индустриальная цивилизация демонстрирует экспансионистско-потребительское отношение к природе. Она рассматривает природу как неисчерпаемый источник ресурсов для производства и потребления. При этом ее технологии основаны на переработке природных, в основном невозобновляемых ресурсов на основе технологий с очень низким КПД, в результате чего большая часть их превращается в загрязняющие среду отходы, промышленные и бытовые. Природа рассматривается как объект хищнической эксплуатации. Доминирующий тип социальных связей индустриальной цивилизации – это классовый антагонизм, эксплуатация и классовая борьба, порождаемые частной собственностью (частная капиталистическая собственность порождает социальный атомизм и эгоизм в отношениях между людьми и между личностью и обществом).

Отношения личности и общества в научно-индустриальной цивилизации характеризуются дегуманизацией, в основе которой лежит универсальное отчуждение личности. Базовой формой отчуждения является отчуждение производителя от средств производства, которое составляет основу капиталистического способа производства. Это базовое отчуждение затем порождает следующие его формы: отчуждение труда от самого трудящегося, отчуждение людей друг от друга как экономических конкурентов (классовая борьба), политическое отчуждение (отделение населения от бюрократизированного политического механизма власти), духовное отчуждение (отделение трудящегося населения от духовного производства и духовных ценностей, идеология потребительства).

Суть экономической модернизации XIX века, завершившей весь процесс перехода от традиционного общества к современному, состояла в переходе к индустриальному способу производства. В его основе лежала новая энергетика и новые типы орудий труда. Новая техника стала детищем новой науки и без нее не могла появиться. Потому в

XIX веке установился прочный симбиоз науки и техники, наука стала частью экономического и технического процесса, его главной движущей силой. Этот симбиоз сформировал необычайный динамизм экономической системы, постоянные научно-промышленные перевороты, все время ускоряющийся темп. Естественно, что промышленная революция оказала гигантское влияние на политический и идеологический процесс.

В ходе модернизации изменения происходили во всех сферах общественной жизни – и в идеологии, и в политике, и в экономике, и в международных отношениях, взаимно влияя друг на друга. Но на каждом этапе модернизации доминировали изменения в одной какой-то сфере, и был народ-лидер, который шел впереди в процессе модернизации. Причем народ-лидер на каждом этапе менялся. Страны Европы неравномерно участвовали в общем процессе модернизации. Одни вырывались вперед, другие отставали. Каждая из них проводила модернизации своим способом, но так или иначе в XIX веке модернизация совершилась во всех европейских странах. Последней на подножку уходящего поезда европейской модернизации с дикими усилиями и гримасами вскочила Россия. XX век стал веком модернизации всего остального мира.

Поскольку одной из главных интегральных черт нового «современного» индустриально-научного общества стал постоянный динамизм, т. е. вечная и все ускоряющаяся модернизация, XX век стал веком дальнейшей модернизации, но уже современного общества. Он стал веком конкуренции и глобального мирового столкновения различных социальных способов, моделей и парадигм модернизации. Промышленные и научные революции и перевороты в XX веке не закончились, а напротив, пошли все более ускоряющимся темпом и все более глобальными и радикальными последствиями. Рубеж XX и XXI веков стал эпохой всеобщего и глобального кризиса современного научно-индустриального общества. Встал вопрос о качественной модернизации, преобразовании глубинных основ индустриального общества, поскольку эти основы начали исчерпывать себя, дошли до своих границ, а предшествующее экстенсивное развитие в XIX и XX веках этих основ не затрагивало. XXI век – это уже последняя стадия развития научно-индустриальной цивилизации, век ее глобального кризиса и перехода к новому типу цивилизации – информационному, постиндустриальному обществу, важным моментом которого является глобализация как формирование единого всепланетного сверхобщества.

Литература

1. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Мн., 1998.
2. Дубровин В.Н., Ерыгин А.Н. Философия на Западе и в России в эпоху модернизации (краткий очерк) // Философское и культурологическое русское издание. Вып. 7. Серия «Восток–Запад–Россия». – Ростов н/Д, 2004.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4.
4. Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия. Критика социологии М. Вебера. – Ростов н/Д, 1988.
5. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. – СПб., 1997.
6. Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2002.

Поступила в редакцию 20 марта 2013 г.